Anna V. Kukushkina. International Law of Belligerencies. (I.I.Kotlyarov, «International Humanitarian Law», Moscow, Yurlitinform, 2006. - 304pp.) 319

Якушева Е.А. Российская научная доктрина международного экологического права (к выходу из печати учебного пособия Копылова М.Н. «Введение в международное экологическое право» - М.: Изд-во РУДН, 2007) 320

Elena A. Yakusheva. International Environmental Law: Russian Law Doctrine. Review of the book by Kopylov M.N. "Introduction into the International Environmental Law" 324

Хроника

Кабатова Е.В., Вершинина Е.В. Первое заседание научного студенческого кружка кафедры международного частного права, посвященное 15-летию применения на территории РФ Венской конвенции «О международной купле-продаже товаров» 326

Vershinina E.V., Kabatova E.V. 15 years of application of the UN Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods in Russia 330

Некролог 331

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Преступление против человечности: захват заложников в Беслане

*Саяпин С.В.**

1 сентября 2004 г. жители североосетинского города Беслан стали жертвами преступления против человечности. 1128 гражданских лиц были захвачены в заложники в городской школе № 1. Погибло 335 человека¹, из них 186 детей. Ранения различной степени тяжести получили 783 человека, из них 728 заложников и жителей Беслана, 55 сотрудников ФСБ, МВД и военнослужащих. Материальный ущерб, причиненный школе и близлежащим зданиям в результате нападения, составил более 34 млн. рублей. Размер же морального ущерба, причиненного людям, вряд ли поддается подсчету².

Нелегко анализировать ситуацию «беспристрастно»³, когда речь идет об утраченных человеческих жизнях, тем более когда число жертв при

* Саяпин Сергей Вячеславович – магистр международного права прав человека Эссексского университета (Колчестер, Великобритания).

В статье изложена исключительно точка зрения автора, которая может не совпадать с мнениями авторов, цитируемых в настоящей статье, а также любых организаций или учреждений. Автор выражает благодарность редакционной коллегии «Московского журнала международного права», а также д-ру Н. Кениве, П.Э. Дюкруэ, С. Шорину, Ж. Барберису и С. Велиевой LL.B. за комментарии и предложения по тексту статьи.

¹ С учетом погибших от травматических последствий преступления.

² Доклад депутатской Комиссии по рассмотрению и выяснению обстоятельств, связанных с трагическими событиями в г. Беслане 1-3 сентября 2004 года, созданной на заседании Парламента Республики Северная Осетия-Алания 10 сентября 2004 года (далее – Доклад депутатской Комиссии), с. 1. Доклад опубликован на сайте: www.pravdabeslana.ru.

³ Именно так предлагает рассматривать вопросы ответственности за совершение преступлений против человечности Д. Робинсон в своей статье “Crimes against Humanity: Reflections on State Sovereignty, Legal Precision and the Dictates of the Public Conscience”, в сб.: F. Lattanzi and W. Schabas (eds.), *Essays on the Rome Statute of the International Criminal Court* (Il Sirente, 1999), vol. I, p. 143.

квалификации преступления имеет значение по определению⁴. Возможно, наш анализ менее сух и «технически» насыщен, чем ему следовало бы быть с формальной точки зрения международника. С другой стороны, если нам удалось «насытить» его достаточным объемом аргументов, чтобы показать, что в Беслане имел место более чем «просто» террористический акт, – а такая квалификация, хотя и верная в узком смысле слова, не является полной⁵ – цель достигнута. О террористической стороне бесланской трагедии написано немало. Автор же убежден, что жители Беслана стали жертвами *преступления против человечности*.

Данная статья предлагается вниманию читателя в порядке размышления. Автор не ставит целью обсуждение содержания приговора по делу Н. Кулаева по существу, поскольку, с точки зрения действующего российского уголовного законодательства, он вполне адекватен. В свою очередь, нам представляется, что по международному праву квалификация преступления, совершенного в Беслане 1–3 сентября 2004 г., не была полной ввиду отсутствия в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации понятия преступлений против человечности. Размышления, следующие ниже, – попытка восполнить этот пробел, хотя бы и на уровне доктрины.

Автор отдает себе отчет в том, что материалы уголовного дела, возбужденного в связи с бесланской трагедией, весьма объемны. В ходе работы над статьей, кроме научной доктрины и практики международных судебных органов, автор особенно обращался к текстам приговора, вынесенного Верховным Судом Республики Северная Осетия-Алания по делу № 2-01/2006 от 26 мая 2006 г. в отношении Н. Кулаева; предварительной (от 31 мая 2006 г.) и дополнительной (от 1 сентября 2006 г.) кассационных жалоб, поданных на данный приговор; Доклада депутатской Комиссии по рассмотрению и выяснению обстоятельств, связанных с трагическими событиями в г. Беслане 1-3 сентября 2004 г.,

созданной на заседании Парламента Республики Северная Осетия-Алания 10 сентября 2004 г. и иных опубликованных документальных материалов. В тех случаях, где использовались сведения из средств массовой информации, они, как правило, соотносились с опубликованными материалами уголовного дела.

1. Становление концепции преступлений против человечности

Анализ следует начать с концепции преступлений против человечности. Данная концепция начала формироваться после первой мировой войны – в связи с массовыми убийствами и жестоким обращением с членами армянской диаспоры в Турции⁶. Однако терминологическую ценность в международном праве она приобрела с принятием в 1945 г. Устава Нюрнбергского военного трибунала, где преступления против человечности определялись как «убийства, истребление, порабощение, ссылка или другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет»⁷. Данное определение получило дальнейшее развитие в материалах Комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений (1948):

«Нападения на основополагающие свободы и конституционные права народов и отдельных лиц, *то есть бесчеловечные деяния*⁸, являются международными преступлениями не только во время войны но также, в определенных обстоятельствах, и в мирное время.

Второй принцип заключается в том, что под покровительством международного уголовного права находится *любое* гражданское население, и гражданство жертв не имеет значения... Представляется, что

6 См.: M.C. Bassiouni. *Crimes Against Humanity in International Law* (Dordrecht/Boston/London, 1992). P. 168–169. См. также Декларацию Франции, Великобритании и России от 24 мая 1915 г. в сб.: E. Schwebel. Crimes against Humanity, in 23 *British Yearbook of International Law* (1946), at 178, 181.

⁷ Устав Международного военного трибунала, приложение к Соглашению о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси, 8 августа 1945 г., ст. 6(с).

⁸ Курсив автора.

⁴ См. ниже, прим. 11.

⁵ Террористический акт, чтобы признаваться таковым, должен воздействовать на властные структуры государства через посредство *устрашения* как минимум непосредственных жертв преступления либо даже более широкой, индивидуально неопределенной группы лиц. Наличие элемента коллективного страха (террора) является определяющим в явлении терроризма. См. S. Sayapin. *The Spreading of Terror Among the Civilian Population – a War Crime?* (University of Essex, 2000). P. 3-6. См. также: C. Gearty. The Saturday Essay: What is Terror? in *The Times Saturday Review* (9 March 1991). P. 10, col. 1.

формулировка «гражданское население» означает, что «преступления против человечности» ограничиваются бесчеловечными актами, совершенными именно против гражданских лиц, а не членов вооруженных сил⁹. В свою очередь, слово «население» предполагает наличие значительного числа жертв, и отдельные или изолированные деяния, направленные против лиц, не охватываются рамками рассматриваемого понятия»¹⁰.

Данные элементарные характеристики составов преступлений против человечности (основные права человека в качестве объекта массового преступного посягательства и гражданское население в качестве его жертв) позже соответственно утвердились в качестве обычных норм¹¹. На определенном этапе было неясно, необходима ли для квалификации предполагаемых преступлений против человечности связь с вооруженным конфликтом. Практика государств после второй мировой войны окончательно оформила отрицательный ответ на данный вопрос. Сейчас представляется, что требование о связи преступлений против человечности с вооруженным конфликтом, содержащееся в Уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов, было объективно обусловленным: преступления, подпадавшие под юрисдикцию обоих трибуналов, были на самом деле совершены «до или во время войны» (временная связь), а также «в целях осуществления или в связи» с преступлениями против мира и военными преступлениями (существенная связь), – и потому должно толковаться в узком смысле. Составители Уставов просто сформулировали тексты согласно соответствующим реалиям¹². Существенная, дефиниционная характеристика преступлений против человечности заключается в их самоочевидной *бесчеловечности*, в том, что они грубо посягают на основополагающие права и свободы жертв, на самое их достоинство, а также в том, что они

⁹ Определение преступлений против человечности было сформулировано с учетом массовых преступных деяний, имевших место в ходе второй мировой войны, которые не удовлетворяли формальным критериям определения военных преступлений.

¹⁰ *History of the United Nations War Crimes Commission* (United Nations War Crimes Commission, 1948). P. 192–194.

¹¹ См. W. Fenrick. Should Crimes Against Humanity Replace War Crimes? in 37 *Columbia Journal of Transnational Law* (1999). P. 781.

¹² Также высказывалось предположение, что требование о связи с вооруженным конфликтом могло являться основанием для установления пределов юрисдикции Трибуналов. См.: Ratner and Abrams. *Accountability for Human Rights Atrocities in International Law* (Oxford, 1977). P. 49; Askin. *War Crimes Against Women, Prosecution in International War Crimes Tribunals* (The Hague, 1997). P. 185–186 (n. 608).

направлены против любого *гражданского населения*, т.е. против значительной группы лиц, независимо от их гражданства. Уильям Фенрик отмечает, что «убийство одного отдельно взятого гражданского лица не является преступлением против человечности»¹³.

Поскольку нормативные рамки, установленные Международными военными трибуналами, необязательно должны были оставаться неизменными¹⁴, Закон № 10 Союзнического Контрольного совета уже не содержал требования о необходимой связи между предполагаемым преступлением против человечности и вооруженным конфликтом и включал в список составов бесчеловечных деяний изнасилование, заключение под стражу и пытки¹⁵. Несмотря на формальное «восстановление» в 1993 г. – в Уставе Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии – требования о связи с вооруженным конфликтом (ст. 5 Устава), сам Трибунал отметил, что концепция преступлений против человечности более не должна увязываться с явлением вооруженных конфликтов¹⁶. Схожие выводы были сформулированы Комиссией международного права ООН¹⁷ и рядом авторов¹⁸.

На наш взгляд, наиболее адекватное в современных условиях определение преступлений против человечности содержится в Римском статуте Международного уголовного суда, поскольку именно этот источник отражает согласованное понимание государствами наиболее тяжких международных преступлений. Представляющая собой результат непростых переговоров¹⁹ статья 7 Статута содержит перечень одиннадцати категорий деяний, квалифицируемых как преступления против человечности, «когда они совершаются в рамках широкомасш-

¹³ См. прим. 11. Fenrick. P. 773.

¹⁴ Данное суждение не должно рассматриваться в качестве сомнения в авторитетности принципов международного права, подтвержденных в решениях Трибуналов. См. особенно резолюцию 95(1) Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г.

¹⁵ См.: H. Levie. *Terrorism in War: The Law of War Crimes* (Oceana Publications, Inc., 1993). P. 559.

¹⁶ *Prosecutor v. Tadic* (Case No. IT-94-1-A), *Judgment*, 15 July 1999, paras. 251, 627.

¹⁷ *ILC Report on the work of its forty-eighth session*, 6 May – 26 July 1996, UN Doc. A/51/10. P. 96.

¹⁸ См., например: Jennings and Watts, *Oppenheim's International Law*, 9th edition (London, 1992). P. 996; M.C. Bassiouni. Прим. 3. P. 258.

¹⁹ По вопросу о ходе Римской конференции, включая составы преступлений, на которые распространяется юрисдикция Суда, см.: Kirsch and Holmes. The Rome Conference on an International Criminal Court, in *American Journal of International Law* (1999). P. 2; Arsanjani. The Rome Statute of the International Criminal Court. *Ibidem*. P. 22.

табного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно». При формулировании «для целей Статута» универсально приемлемого *договорного* определения преступлений против человечности сложность заключалась в том, чтобы делегации государств, представленные на Конференции, согласовали свои позиции с учетом международного обычного права, актуального на данный момент. Немало внимания было уделено послевоенной национальной судебной практике²⁰. Уже на Конференции стало ясно, что после вступления в силу Статута ожидаемое влияние нового определения преступлений против человечности должно быть значительным: в отличие от всех предшествующих формул оно не называлось «сверху» каким-либо международным органом, но было сформулировано на многосторонней основе полномочными представителями государств.

Ниже мы рассмотрим отдельные акты, из которых состояло преступное деяние, совершенное в Беслане, в контексте международно-правового определения преступлений против человечности. Такой анализ в свете статьи 7 обоснован с учетом подписания Россией Римского статута 13 сентября 2000 г. и вероятности его ратификации в будущем²¹. Однако следует иметь в виду, что, на данный момент, нижеследующие отсылки к Римскому статуту уместны лишь в целях толкования современного международного обычного права, так как формальное применение статьи 7 Статута к правоотношениям на территории Российской Федерации на данный момент невозможно.

2. Более чем «террористический акт»

Хотя захват заложников прямо не упоминается в статье 7 Римского статута, «заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физи-

²⁰ См., например: *A.G. Israel v. Eichmann*, in *ILR*, 1968 (vol. 36), p. 18 (District Court); *ibidem*, p. 277 (Supreme Court); *Fédération Nationale des Déportés et Internés Résistants et Patriotes and Others v. Barbie*, in *ILR*, 1990 (vol. 78). P. 125 (Cour de Cassation, France).

²¹ На конференции «Римский статут Международного уголовного суда: имплементация на национальном уровне» (Москва, 4–5 февраля 2004 г.) отмечалось, что Президент Российской Федерации дал указания подготовить предложения по приведению законодательства России в соответствие с нормами Статута. Для выполнения этой задачи Министерством юстиции РФ была образована рабочая группа. Рабочая группа должна разработать законопроект о пресечении преступлений против человечности и военных преступлений, вносящий изменения и дополнения в Уголовный кодекс РФ. Кроме того, в УК также должна отразиться неприменимость сроков давности по отношению к данным категориям преступлений.

ческой свободы в нарушение основополагающих норм международного права» признается преступлением против человечности²². Представляется, что захват заложников в Беслане подпадает под вторую часть данной квалификации, так как он, несомненно, был лишением физической свободы, сопряженным с жестоким обращением, и нарушал ряд неотъемлемых прав человека.

Вероятно, никто не будет спорить с тем, что заложники, которых в течение трех дней насильственно удерживали в душном спортзале школы без пищи и воды, били, запугивали, заставляли пить собственную мочу, а затем взорвали и расстреляли в спину, подверглись по меньшей мере тяжелой форме жестокого и бесчеловечного обращения²³. Заложники, удерживаемые в зале, «практически сидели друг на друге. Время от времени боевики приказывали всем встать, а затем лечь на пол. И так продолжалось целый день»²⁴. Боевики отвечали отказом на неоднократные предложения об обмене детей на представителей власти Северной Осетии, не принимали еду и медикаменты. К обстоятельствам бесланского преступления очевидно применима квалификация бесчеловечного обращения, предложенная Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии в деле *Delalic*: «Бесчеловечное обращение – преднамеренное действие или бездействие, причиняющее серьезное душевное или физическое страдание или боль либо представляющее собой серьезное посягательство на человеческое достоинство»²⁵.

Более того, обстоятельственный состав бесланской трагедии близок к пыткам, как они определяются в Римском статуте:²⁶ более тысячи

²² Ст. 7(1)(е) Римского статута МУС.

²³ Статья 7(1)(к) Римского статута относит к преступлениям против человечности «бесчеловечные деяния... заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий, или серьезных телесных повреждений, или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью».

²⁴ *Rambler Media*. «Один из боевиков крикнул: «Я спасу вас!» Рассказы бывших заложников», <http://www Rambler.ru/db/news/msg.html?mid=5008532&s=260005085>, материалы от 6 сентября 2004 г.

²⁵ Судебная палата Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии подтвердила в окончательном решении по тому же делу (IT-96-21-T, 16 ноября 1998 г.), что жестокое обращение, преследуемое по ст. 3 Устава, является синонимичным бесчеловечному обращению, преследуемому по ст. 2 Устава. См. особенно параграф 543.

²⁶ В статье 7(2)(е) пытки определяются как «умышленное причинение сильной боли или страданий, будь то физических или психических, лицу, находящемуся под стражей или под контролем обвиняемого». Из этой формулировки следует, что, по смыслу Статута, - в отличие от Конвенции о запрещении пыток 1984 г., - пытки не обязательно должны причиняться лицом, действующим от имени государства или в официальном качестве.

насильственно удерживаемых человек свыше 50 часов подвергались издевательствам лиц, взявших их в заложники.

Умышленное убийство²⁷ по меньшей мере двадцати лиц, среди которых семеро были школьными учителями, включая 74-летнего мужчину, - вот еще одно преступление, совершенное лицами, захватившими заложников, в течение первых двух дней.

Поскольку единый, «рамочный» контекст захвата заложников создавал возможность для совершения всех остальных преступных деяний в период 1-3 сентября 2004 г. и эти деяния (1) были направлены к единой цели, (2) совершены в рамках единой формы вины (прямого умысла) и (3) привели к наступлению ряда однородных последствий, вероятно, имеет смысл характеризовать всю совокупность деяний в целом, по смыслу уголовного права, как единое продолжаемое преступление²⁸.

Однако, чтобы обоснованно ответить на вопрос, были ли деяния, совершенные в бесланской школе, также *преступлениями против человечности*, следует рассмотреть их квалифицирующие признаки в свете действующего международного права. Поскольку захват заложников освещался российскими и зарубежными СМИ обстоятельно, но все же противоречиво и в показаниях свидетелей также имеются некоторые разночтения, имеет смысл остановиться на отдельных фактах, содержание которых представляется достаточно конкретным, и соответственно учитывать общественно-политический контекст.

2.1. Широкомасштабное или систематическое нападение

В современном международном праве преступление против человечности понимается как деяние, совершаемое в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любое гражданское население. Хотя в ряде источников указывается, что оба критерия должны совпадать²⁹, они обычно считаются раздель-

ными и равнозначными: нападение должно быть *или* широкомасштабным, *или* систематическим.

Формулировка «широкомасштабное нападение» предполагает проведение крупной операции со значительным числом жертв, тогда как «систематическое нападение» означает высокий уровень организации и детальное планирование. В решении по делу *Akayesu* Международный уголовный трибунал по Руанде дал следующее разъяснение: «Концепцию “широкомасштабности” можно определить как массивные, частые, крупные операции, проводимые коллективно, со значительной степенью серьезности и направленные против большого числа жертв. Концепцию “систематичности” можно определить как деятельность, тщательно организованную и следующую регулярной модели, основанную на общей политике с привлечением значительных публичных или частных ресурсов»³⁰.

Беспрецедентная масштабность нападения на бесланскую школу была отмечена выше. Об этом также говорят материалы об иностранном участии (финансовом, техническом, людском) в приготовлении к совершению преступления³¹. Вскоре после освобождения заложников в средствах массовой информации сообщалось, что среди иностранцев, принимавших участие в рейде, были, в частности, граждане Судана, Йемена, Иордании и Сирии³². Однако в тексте приговора, вынесенного Н. Кулаеву, гражданство иностранцев, предположительно участвовавших в нападении 1-3 сентября, конкретно не указано: в нем говорится об участии не менее 13 «жителей Чеченской Республики, Республики Ингушетия и других субъектов РФ, а также иностранных

также *United States of America v. Alstötter et al.*, in *ILR* (1948), p.-278; *United States v. Ohlendorf et al.* (“Einsatzgruppen Case”), *ibidem*, p. 498 (United States Military Tribunal).

³⁰ *Prosecutor v. Akayesu* (Case No. ICTR-96-4-T), *Judgment*, 2 September 1998, *ILM*, 1998 (vol. 37). Д. 1399, para. 580.

³¹ В приговоре по делу № 2-01/2006 (далее – *Приговор*) отмечено, в частности, что в местности, прилегающей к селу Пседах Малгобекского района Республики Ингушетия, где 31 августа 2004 г. находились члены вооруженной группы, были обнаружены «бумажные обертки с надписями на арабском языке» (63-е заседание); около электрического столба возле школы на ул. Коминтерна было обнаружено «гладкоствольное охотничье ружье № 512381 иностранного производства кал. 12, 6 патронов кал. 12 мм» (68-е заседание). Полный текст Приговора опубликован на сайте: www.pravdabeslana.ru.

³² *Rambler Media*. «Аслаханов: террористы, захватившие школу, получали приказы по телефону из-за рубежа», <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?s=260005083&mid=5012162>, материалы от 7 сентября 2004 г.

²⁷ Ст. 7(1)(а) Римского статута МУС.

²⁸ См.: *Уголовное право России. Общая часть* / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. М.: Юрист, 2005. С. 286–287.

²⁹ Во французском тексте Устава МУТР, возможно, по ошибке речь идет о «широкомасштабном и систематическом» нападении (*généralisée et systématique*). Комиссия международного права указала в своем комментарии к проекту Устава, что «отличительными признаками таких преступлений является их широкомасштабная или систематическая сущность»: Report of the International Law Commission to the General Assembly on the work of its forty-sixth session, UN Doc. A/CN.4/SER. A/1994/Add. 1 (Part 2), p. 76. См.

наемников», чьи личности не были установлены, в устойчивой вооруженной группе, сформированной в августе 2004 г.³³

Теперь несколько слов о *системности* нападения. Во-первых, ясно, что такая сложная операция не могла быть спонтанной. Она планировалась заранее, при этом нападавшими, вероятно, учитывался опыт захвата осенью 2002 г. театра на Дубровке в Москве и других столкновений с федеральными властями. Сам выбор даты нападения – 1 сентября, День знаний – должен был подчеркнуть стремление субъектов преступления к усилению общественного резонанса, поскольку жертвами должны были стать учащиеся школы № 1, родители, учителя. Следует вспомнить, что в 2004 году уже имели место преступные нападения, осуществленные незаконными вооруженными формированиями в дни всенародного значения: президент Чечни А. Кадыров был убит 9 мая, а 22 июня, в день 63-й годовщины агрессии Третьего рейха против Советского Союза, было совершено вооруженное вторжение в Ингушетию. В приговоре Верховного Суда Северной Осетии указано, что при нападении на школу № 1 использовалось оружие, похищенное со склада вооружения МВД Республики Ингушетия в ночь с 21 на 22 июня 2004 года³⁴. Таким образом, утверждается связь между похищением оружия и нападением на школу.

Далее, кроме того, что в 2006 г. было возбуждено уголовное дело в отношении бывших сотрудников Правобережного РОВД по обвинению их в халатности (ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации), по горячим следам высказывались мнения о вступлении организаторов нападения в преступный сговор с отдельными сотрудниками правоохранительных органов³⁵. В этой связи в дополнительной кассационной жалобе от 1 сентября 2006 г. был поставлен вопрос о том, почему 1 сентября 2004 г. рядом со школой были сняты посты ГИБДД, а из выделенной РОВД охраны в составе трех человек в школу пришла лишь одна сотрудница³⁶.

Также сообщалось, что школа № 1 ремонтировалась летом 2004 г. и под полом спортивного зала было спрятано оружие и боеприпасы,

³³ Приговор, 69-е заседание Верховного Суда Республики Северная Осетия - Алания по делу № 2-01/2006, 26 мая 2006 г.

³⁴ Приговор, 62-е заседание Верховного Суда Республики Северная Осетия - Алания по делу № 2-01/2006, 16 мая 2006 г.

³⁵ Rambler Media. «Беслан: террористам помогали милиционеры», <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?mid=5001916&s=260005085>, материалы от 4 сентября 2004 г.

³⁶ Дополнительная кассационная жалоба на приговор Верховного Суда Республики Северная Осетия - Алания по делу № 2-01/2006 от 1 сентября 2006 г., раздел 1.

которыми и воспользовались исполнители преступления³⁷. В частности, некоторые бывшие заложники вспоминали позднее, что видели некоторых членов группы, захватившей школу, на улицах Беслана за несколько дней до трагедии.

2.2. Элемент политики и знание более общего контекста

Данный субъективный элемент необходим для квалификации преступления против человечности. Именно последовательная «политика преследования, подавления и убийств гражданских лиц»³⁸ связывает деяния, которые сами по себе были бы разобщены, в «нападение», отличное от «простой» волны преступности, какой бы интенсивной она ни была. МУТЮ следующим образом объясняет политическую составляющую преступлений против человечности: «Должна иметься определенная форма правительственной, организационной или групповой политики совершения данных деяний, и... субъекту должен быть известен контекст, в котором совершаются данные деяния»³⁹.

Выше мы отметили, что связь с вооруженным конфликтом неважна для квалификации преступлений против человечности. По состоянию на начало сентября 2004 г. в Чеченской Республике и в соседних с ней регионах Российской Федерации регулярного противостояния, которое подпадало бы под определение немеждународного вооруженного конфликта, не было, и с формально-юридической точки зрения международное право вооруженных конфликтов не было применимо. Активная фаза «антитеррористической операции» уже была завершена, и ситуация объективно не удовлетворяла ни условиям применения статьи 3, общей для Женевских конвенций 1949 г., ни тем более Дополнительного протокола II 1977 г.

Однако в данном случае в сознании лиц, захвативших заложников, определенно *имелась* связь между захватом школы и более масштабным вооруженным противодействием властям Российской Федерации. Так, через заложницу Л. Мамитову боевики потребовали вывести российские войска из Чечни и вызвать на одновременные переговоры президента Северной Осетии А. Дзасохова, главу Ингушетии М. Зязико-

³⁷ Rambler Media. «Террористы хорошо подготовились к захвату школы», <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?s=260005085&mid=5018015>, материалы от 8 сентября 2004 г.

³⁸ History of the United Nations War Crimes Commission, прим. 7. Р. 194

³⁹ Prosecutor v. Tadic, прим. 14, para. 644. О необходимости знания более общего контекста см. параграфы 248, 250, 255 и 271.

ва, доктора Л. Рошаля, а также А. Аслаханова. На уточняющий вопрос Л. Мамитовой о требованиях боевиков ей было заявлено, что «требования хорошо всем известны», а главное из них - вывод войск из Чечни⁴⁰.

В приговоре, вынесенном Н. Кулаеву, соответственно отмечается, что Кулаев и другие члены банды «выдвинули представителям органов государственной власти и управления РФ требования о выводе подразделений федеральных сил РФ с территории Чеченской Республики, об освобождении из мест лишения свободы лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение особо тяжких преступлений на территориях субъектов РФ в районе Северного Кавказа и другие противоречащие Конституции РФ требования» (69-е заседание, 26 мая 2006 г.).

Как сообщали отдельные средства массовой информации со слов Н. Кулаева, еще одной целью нападения на Беслан было «разжигание войны на Кавказе»⁴¹. Из формулировки не вполне ясно, о какой «войне» речь – об эскалации уже происходящего конфликта (если он имел место, в субъективном восприятии Кулаева) или о развязывании нового межэтнического или межрелигиозного противостояния. Преступный умысел (прямой либо косвенный) был направлен на разжигание конфликта в регионе, населенном преимущественно православным населением, но окруженном территориальными единицами, где большинство населения составляют мусульмане, что представляет собой преступное посягательство, предусмотренное ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»). Однако данное деяние не было вменено Н. Кулаеву, поскольку дело в отношении лиц, осуществлявших общее руководство, было выделено в отдельное производство⁴².

Таким образом, преступное нападение на мирное население Беслана, несомненно, не было изолированным от более общего контекста организационной политики преступного сообщества, совершившего его. Нападение было задумано как средство достижения дальнейших преступных целей – в частности, дезорганизации функционирования

⁴⁰ См.: Доклад депутатской комиссии, прим. 2, часть I: «Хронология террористического акта в СОШ № 1 г. Беслана Республики Северная Осетия - Алания».

⁴¹ Rambler Media. «Задача российских властей: не допустить межнационального конфликта после трагедии в Осетии», <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?s=260005083&mid=5002432>, материалы от 4 сентября 2004 г.

⁴² Приговор, 62-е заседание, 16 мая 2006 г.

органов государственной власти и управления и нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. В этом смысле связь преступления, совершенного 1–3 сентября 2004 г., с более масштабным преступным замыслом представляется очевидной. Более того, нападение также должно было послужить демонстрацией «силы» террористической организации Ш. Басаева и, таким образом, бросить вызов мировому сообществу в целом. Как отмечал Н.С. Алексеев, уже со времен Нюрнбергского процесса борьба с преступлениями против человечности стала «общественным фактором, одной из частей гуманитарного сотрудничества, частью системы безопасности и обеспечения защищенности человека вне зависимости от его гражданства и национальной принадлежности»⁴³. В этом смысле, если бы Н. Кулаеву также было инкриминировано соучастие в совершении преступления против человечности, привлечение его к уголовной ответственности могло бы стать международно-правовым прецедентом.

3. Заключение

26 мая 2006 г. Верховный Суд Республики Северная Осетия - Алания вынес Н. Кулаеву обвинительный приговор по восьми статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, включая умышленное убийство, покушение на убийство, посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, терроризм и участие в незаконном вооруженном формировании. Н. Кулаев был приговорен к пожизненному заключению с отбыванием наказания в колонии строгого режима. О преступлениях против человечности в приговоре не упоминалось, поскольку действующий Уголовный кодекс не содержит данного института. О них также не упоминается в кассационных жалобах, поданных на приговор, хотя раздел 6 дополнительной кассационной жалобы от 1 сентября 2006 г. в целом построен на международном праве прав человека (в основном на соответствующих нормах Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.).

Предъявление обвинений в совершении преступлений против человечности повлекло бы ряд правовых последствий, теперь исключенных. Во-первых, даже до вступления Римского статута в силу для Российской Федерации уголовное дело по обвинению в совершении пре-

⁴³ Н.С. Алексеев. *Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах.* М., 1991. Т. 5. С. 78.

ступлений против человечности было бы подсудным российским судам в соответствии с международным обычным правом. Как было указано выше, к началу XXI века теория и практика применения международного уголовного права прочно восприняли институт преступлений против человечности. В случае квалификации рассматриваемого деяния в качестве преступления против человечности в Российской Федерации был бы создан прецедент привлечения лица к уголовной ответственности *непосредственно на основании действующего международного права*.

Во-вторых, как показывает практика, лица, которым предъявляются обвинения в терроризме, и их соучастники нередко заявляют, что их деяния имели «политический» характер. В то же время преступления против человечности однозначно исключаются из сферы применения «оговорок о политических преступлениях». Таким образом, при условии квалификации захвата заложников в Беслане и иных сопряженных с ним деяний в качестве преступлений против человечности Российская Федерация, при необходимости, могла бы ожидать более активного сотрудничества других государств при расследовании иных преступлений, связанных с организационной политикой «властей» так называемой Республики Ичкерия, в том числе в связи с экстрадицией отдельных лиц. Преступления против человечности посягают на интересы *всего* мирового сообщества в целом, и в их пресечении заинтересованы *все* государства. Кроме того, на преступления против человечности не распространяются сроки давности.

И в заключение несколько слов о нравственном аспекте, существенном для квалификации всех преступлений против человечности, но упущенном в предъявленном Н. Кулаеву обвинении: в Беслане было совершено преступление против устоев функционирования полиэтнического и культурно многообразного человеческого сообщества, против принципов цивилизованного общежития членов единой человеческой семьи. Представляется, что охрана таких базовых ценностей и является, в общем смысле, первоочередной задачей всей правоохранительной деятельности, и для реализации этой задачи целесообразно обращаться помимо прочего к международно-правовым средствам.

Crime against Humanity: Taking of Hostages in Beslan (Summary)

*Sergei V. Sayapin**

The article examines in accordance with the current international law the taking of hostages at school no. 1 in Beslan (Northern Ossetia, Russia), on 1-3 September of the year 2004. The author arrives at the conclusion that the taking of hostages, as well as the other related crimes (murder, torture, inhuman treatment) committed against the hostages amount to a crime against humanity, and not only a terrorist act.

The Rome Statute of the International Criminal Court and relevant international jurisprudence are referred to as a basis for so interpreting the said crime. Though it is relevant to mention that Russian Federation has only signed but still has not ratified the above-mentioned Rome Statute. This fact complicates the matter of applying its provisions directly to the situation in Beslan but still it is possible to rely on it in interpreting related norms of customary law.

In conclusion, the legal and ethical consequences of the Russian courts' failure to qualify the taking of hostages in Beslan as a crime against humanity are briefly illustrated.

* Sergei V. Sayapin – Master degree in International Law, University of Essex.